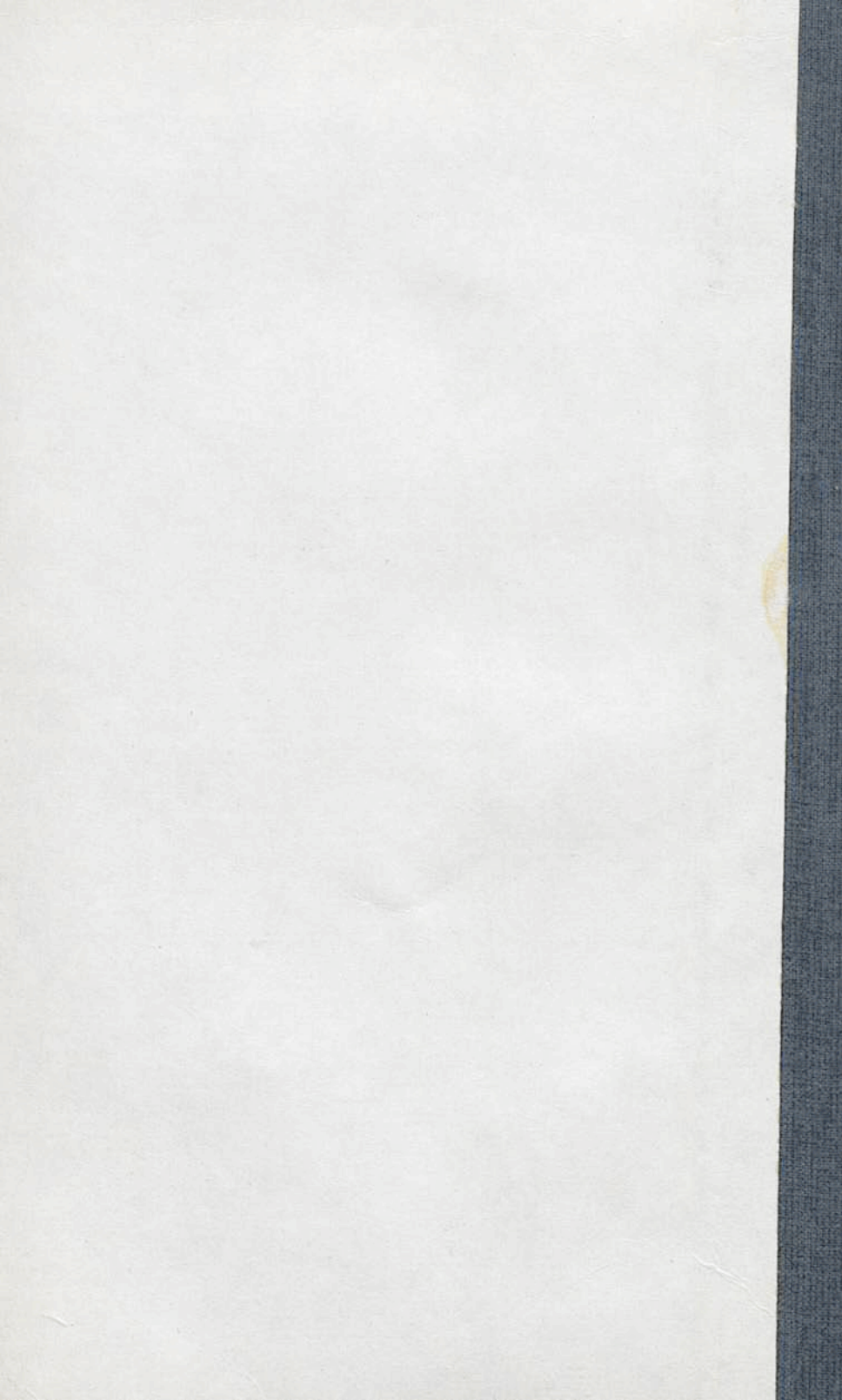
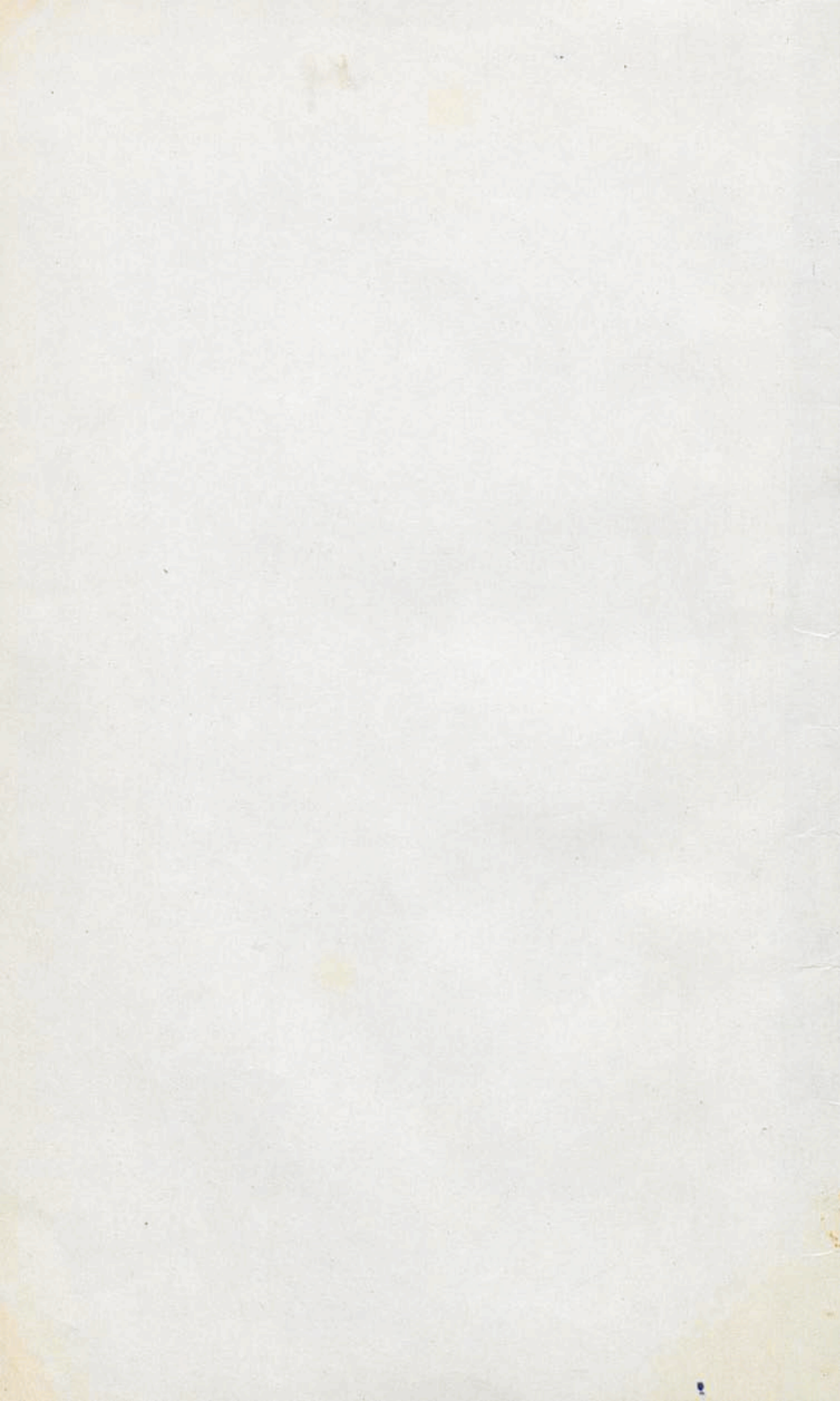

√Ба 1780

Ба 1780

~~Ба 2625р.~~

БѢЛОРУССКІЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОКЪ

СТУДЕНТОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Отискъ изъ отчета о состояніи и дѣятельности ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-Петербургскаго Университета за 1913 годъ.

Съ приложеніемъ доклада студ. Е. Хлѣбцевича „О возрожденіи Бѣлорусской Народнической Литературы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Суворовск. пр.).

1914.

мен
ЛЕНИНА
1914

25. 04. 2009

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Бѣлорусскаго научно-литературнаго кружка
студентовъ СПБ. Университета за 1913 г.

Бѣлорусскій кружокъ, возникнувъ независимо отъ другихъ студенч. кружковъ въ прошломъ году, сформировался окончательно лишь въ отчетномъ году. Дѣятельность его оживилась. Интересъ къ познанію края и къ культурно-просвѣтительной работѣ пробужденъ и растетъ все больше и больше, захватывая студенч. молодежь, желающую работать на пользу и славу славянскаго племени и служить бѣлорусскому народу не за страхъ...

Слѣдуетъ отмѣтить отрадное явленіе для бѣлорусскаго кружка: лишь въ этомъ году окончательно сформировалась организація кружка. Правленіе выбрано такъ, что изъ разныхъ мѣстъ Бѣлоруссіи имѣются представители студентовъ въ правленіи. Предсѣдателемъ избранъ студентъ историко-филол. фак. Брониславъ Тарашкевичъ (Виленской губ.), казначеемъ Л. Давидовичъ (Гроднен. губ.), секретаремъ и и библиотекаремъ—студ. Гроховскій (Могилев. губ.). Представителемъ въ межкружковую организацію избранъ П. Алексюкъ.

Кромѣ организаціи кружка, въ отчетномъ году наблюдался

лось на собраніяхъ студентовъ стремленіе сочетать идейный, научно-познавательный интересъ къ окружающему краю вообще и къ родному уголку каждаго студента, — съ горячимъ желаніемъ нашей молодежи претворить свое міровоззрѣніе на практикѣ у себя на родинѣ. Въ формѣ ли созданія образовательнаго общества или мѣстнаго и общаго музея, въ формѣ ли этнографическихъ изслѣдованій или въ устройствѣ культурно-просвѣтительныхъ учреждений.

Бѣлорусскій кружокъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ: кромѣ внутренняго сердечнаго желанія студентовъ работать на пользу Бѣлоруссіи и служить ей народу—въ отношеніи научнаго познанія родины бѣлорусскій кружокъ встрѣтилъ сердечное просвѣщенное расположеніе нашихъ уважаемыхъ учителей - профессоровъ Спб. и другихъ университетовъ.

Академикъ А. А. Шахматовъ по-прежнему оказываетъ свою ученую и душевную внимательность къ лицамъ, занимающимся изученіемъ Бѣлорусскаго языка и этнографіи, редактируя съ ними работы по языку, практически занимаясь съ ними въ семинаріяхъ и всячески содѣйствуя имъ. Кружокъ считаетъ своей внутренней потребностью—благодарить академика за его всегда хорошее отношеніе. Свой взглядъ на происхожденіе и составъ бѣлорусскаго нарѣчія, какъ чистаго славянскаго, академикъ изложилъ пока только въ университетскихъ лекціяхъ.

Бѣлорусское нарѣчіе, по его мнѣнію, по прошлому своему и по условіямъ настоящаго, имѣетъ полное право на самостоятельное литературное развитіе и уважаемый академикъ желаетъ ему такого развитія на пользу и славу русскаго племени.

Профессоръ Е. Ѳ. Карскій, какъ и раньше, сочувственно относясь къ бѣлорусскому кружку, пишетъ намъ:

„Всестороннее изученіе Бѣлоруссіи возможно лишь послѣ уясненія того, что уже сдѣлано, такъ какъ иначе часто придется ломиться въ открытую дверь. Для этого, прежде всего, нужно заняться библіографіей по разнымъ

отраляемъ: по языку уже собрано все, напечатанное у меня въ I томѣ „Бѣлоруссовъ“; по словесности—у меня только главнѣйшее: нѣтъ перечисленія обрядовъ, обычаевъ, вѣрованій, суевѣрій и т. п. Особо нужно изучить народный бытъ, право. Для естествениспытателей—богатая область природы мѣстностей, занятыхъ бѣлоруссами (ср. Rehman A. Ziemié dawnej Polski i sąsiednich krajow slawianskich opisane pod wzgladem fizyčno-geograficznym I—II. Lwow. 1895—1904 г.; не мало интереснаго имѣется въ сборникѣ Дембовецкаго и др.).

Что касается языка и словесности, то слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1. Собираніе матеріала для бѣлорусскаго словаря. Выбрать слова изъ отдѣльныхъ сборниковъ народныхъ произведеній (Шейна, Романова, Никифоровскаго, Федоровскаго и т. д.).

2. Сгруппировать народныя пѣсни и сказки по сюжетамъ и вообще темамъ. Отмѣтить сходныя у великоруссовъ и малоруссовъ.

3. Продѣлать подобное же съ другими родами народныхъ произведеній, напр., съ заговорами.

4. Заняться собираніемъ матеріала по культурнымъ древностямъ бѣлоруссовъ, какъ это сдѣлано, вообще, относительно славянъ въ книгѣ L. Niederle: slovanské ztarožitnosti. Oddíl kulturní, Život starych slovánû. V. Praze 1911 г., а относительно поляковъ въ Encyklopedja Polska. Początki kultury słowiańskiej T. IV, część 3, Kraków. 1912.

Задаваться особенно обширными цѣлями не слѣдуетъ: пусть желающіе возьмутъ какія-либо небольшія области и дѣлаютъ то, что могутъ.

5. Можно дѣлать и новыя записи народныхъ произведеній, особенно, изъ тѣхъ мѣстностей, откуда таковыхъ не имѣется.

6. Любопытно точно опредѣлить и распространеніе не общebѣлорусскихъ особенностей языка.

7. Чисто этнографическія особенности также могутъ дать не мало цѣнныхъ наблюдений“.

Кружокъ благодарить своего уважаемаго профессора, всю свою энергію посвятившаго „Бѣлоруссамъ“, и радъ привѣтствовать появленіе новаго (III) выпуска II тома „Бѣлоруссы“, желая ему силъ и энергіи для послѣдующихъ томовъ капитальнаго труда „Бѣлоруссы“.

Приватъ-доцентъ Э. А. Вальтеръ оказалъ любезное вниманіе бѣлорусскому кружку, прочтя интересную лекцію съ иллюстраціей діапозитивовъ на живую тему: „Литворусское родиновѣдѣніе“ (цѣль и способы его изученія).

Почтенный профессоръ не только съ серьезной научностью отнесся къ молодому познанію родины, но и сочетать съ этимъ родиновѣдѣніемъ любящее вниманіе къ живущему тамъ забытому и забитому народу. Поставивъ родиновѣдѣніе въ связь съ народовѣдѣніемъ, профессоръ ознакомилъ кружокъ съ ходомъ развитія родиновѣдѣнія въ Польшѣ, (Польское научн. товарищество краѣзнавства), въ Финляндіи, въ Германіи и пр.

Кромѣ стихійнаго стремленія къ познанію родины и родного, кромѣ романтики и поэтическаго пыла молодежи къ „родному полю, лугамъ“, кромѣ проникновенія духомъ родины и любви къ „образамъ роднымъ“, профессоръ вноситъ научно-познавательное отношеніе къ познанію Бѣлоруссіи и Литвы, придаетъ гармоническую интеллектуальную осмысленность стихійному влеченію молодежи къ познанію окружающаго, его родного края. По его научнымъ изслѣдованіямъ—слѣдуетъ обратитъ вниманія на то, что еще въ 1501 году „die Mercurii i ultima mensis Martis“—въ послѣднюю среду мѣсяца марта Эразмъ Витѣллій говорилъ въ Римѣ папѣ Александру IV: „(Литвины) *Lingam propriam observant. Verum, quia Rutheti* (русины, такъ называли въ то время бѣлоруссовъ, великоруссовъ, звали тогда—*Moscoviti*—москальи) *medium fere ducatum incouint, illorum loquella, dum gracilis et faciliior sit, utuntur commenius* Theiner T. II. pag. 278). Это значить: литовцы имѣютъ свой собственный языкъ, но въ виду того, что русины (бѣлоруссы) живутъ почти въ срединѣ ихъ княжества, они (ли-

товцы) часто пользуются ихъ бѣлорусскимъ языкомъ, ибо онъ изящнѣе и легче.

Въ виду такой древней тѣсной связи между бѣлорусами и литовцами, профессоръ полагаетъ, что родиновѣдѣніе въ этомъ краѣ объединяетъ два языковыхъ района—бѣлорусскій и литовскій.

Здѣсь двѣ языковыя области шли рука объ руку.

Изучая не только землю Литвы и Бѣлоруссіи, но и то, что—въ этой землѣ, и что—надъ землей, надо картографировать родиновѣдѣніе на принципахъ научнаго изученія края въ отношеніи: 1) физиографіи (земля, почва, геологія и проч.), 2) гидрографіи (моря, озера, рѣки), 3) біогеографіи (зоологія, ботаника, лѣса и пр.); 4) антропогеографіи (антропологии, естеств. этнографіи); 5) культурной географіи (типографіи, произведенія печатн. „чернаго“ искусства и проч.). И вотъ синтезъ всѣхъ перечисленныхъ научныхъ изслѣдованій родины и составитъ понятіе родиновѣдѣнія. Въ особенности географическая связь родиновѣдѣнія съ этно-лингвистической территоріей ярче подчеркнетъ главное въ родиновѣдѣніи. Синтезъ всесторонняго познанія родины долженъ быть подробный. Мало того, настоящее родиновѣдѣніе долженъ носить культурно-соціальный характеръ, привлекая сторонниковъ изъ народа къ познанію той родины, гдѣ онъ сейчасъ живетъ, содѣйствуя его народному самосознанію. Очень важно внимательное проникновеніе мысли сельскихъ жителей въ окружающій ихъ міръ, выясненіе неясныхъ для нихъ историческихъ и культурныхъ цѣнностей, однимъ словомъ важно для нихъ—родиновѣдѣніе. Но послѣднее возможно для крестьянъ и для „мѣстныхъ“ жителей при условіи самаго широкаго распространенія среди нихъ научныхъ знаній и культуры.—Для этого важно пробудить интересъ ихъ къ общимъ знаніямъ въ связи съ частными, конкретными и мѣстными. Родиновѣдѣніе сохранить отъ обезличенія наши бѣлорусскія „вѣскі і мястечка“, пробудить инициативу и смѣлость въ забитомъ и забытомъ „тутэйшемъ“ народѣ, окрылить его. Родиновѣдѣніе, давъ знаніе и культуру нашему народу—поставитъ ему реаль-

ныя привлекательныя цѣли для устроенія его жизни здѣсь на землѣ,—вмѣсто средневѣковыхъ обѣщаній ему лучшей жизни „на тамъ тымъ свеце!“...

Итакъ, родиновѣдѣніе даетъ сводку результатовъ практическихъ родиновѣдовъ, включая культурно-соціальный элементъ.

Средствами, содѣйствующими родиновѣдѣнію, служатъ: экскурсіи общаго характера и—частнаго, коллекціонированіе, библіографія.

Родиновѣдѣніе связано съ энергіей, бодростью духа и инициативой—столь важныхъ для культурности мѣстнаго населенія.

Профессоръ расширяетъ понятіе родиновѣдѣнія, включая въ него народовѣдѣніе и вещественную культуру.

Предлагая устраивать маленькіе музеи въ селахъ, слѣдуетъ предупредить молодежь отъ музейнаго фанатизма рьяныхъ любителей старины, утаскивающихъ изъ родныхъ мѣстъ вещи цѣнныя только для данной мѣстности.

Ибо музей, долженъ представить развитіе мѣстной культуры и также постепенно развиваться, какъ и человѣкъ—отъ общаго къ частному.

Слѣдовательно, родиновѣдѣніе не только—страновѣдѣніе, но и синтезъ научно-географическихъ и этнографическихъ знаній въ ихъ взаимной связи для опредѣленной мѣстности.

Проф. С. А. Венгеровъ, считая бѣлорусскихъ поэтовъ зелеными, все же находитъ въ этомъ свой колоритъ. Уважаемый профессоръ внимательно отнесся къ бѣлор. поэтамъ,—разославъ имъ свой циркуляръ съ вопросами для автобіографіи. Біографіи тѣхъ бѣлорусскихъ писателей, которые одновременно писали и по-русски, профессоръ находитъ возможнымъ помѣстить въ издаваемомъ имъ „Критико-біографическомъ словарѣ“.

Почтенный профессоръ считаетъ бѣлорусскій языкъ очень важнымъ—какъ культурно-просвѣтительное средство для народа, въ искусственной же бѣлорусской поэзіи находитъ отзвуки русской поэзіи.

Проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртэнэ съ сердечнымъ вниманіемъ отнесся къ задачамъ кружка познать свою родину-мать Бѣлоруссію. Считая, что это успокаиваетъ и примиряетъ людей, гуманный профессоръ выразилъ согласіе прочесть лекцію въ кружкѣ по изученію бѣлорусскаго языка.

Прив.-доц. Ѳ. К. Волковъ съ душевностью выразилъ согласіе прочесть лекцію по этнографіи Бѣлоруссіи, указать методологическіе приемы этнографич. изслѣдованія и привлечь еще другихъ лекторовъ по этнографіи для кружка.

Въ особенности это важно теперь, когда этнографическая коммиссія Географ. Общества приступаетъ къ составленію этнографической карты. Члены кружка могли бы оказать въ этомъ дѣлѣ не малую пользу.

Проф. Д. Айналовъ, признавая нашъ край очень интереснымъ въ отношеніи исторіи искусствъ, какъ рубежъ между „Западомъ“ и Россіей, оказалъ вниманіе кружку, давая совѣты и указанія по изученію края, а также выразилъ согласіе предпринять экскурсію (на Днѣпръ) съ студентами-бѣлоруссами.

Но прежде спеціальнаго изученія края, почтенный профессоръ рекомендуетъ кружку ознакомиться съ слѣдующими пособіями:

В. Б. Антоновичъ. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣпра. Труды II Арх. съѣзда въ Одессѣ.

Батюшковъ, П. Н. Памятники старины въ западныхъ губ. Имперіи. Спб. 1869 г.

Грязновъ, В. В. О древнихъ церквахъ Сѣверо-Западнаго края. Труды VII Арх. съѣзда.

Китнеръ, Э. Древнія деревянныя церкви въ Норвегіи. Зодчій, 1872.

Лошкаревъ, П. А. Церковно-археологическія очерки. Кіевъ. 1898 г.

Павлиновъ. Древнія храмы Витебска и Полоцка. Труды Вилен. Арх. съѣзда.

Труды Виленской ученой Арх. комиссиі.

Памятники юго-западной Россіи.

Бюро кружка очень благодаритъ уважаемаго профессора за его вниманіе и цѣнныя указанія по изученію Бѣлоруссіи.

Проф. А. Л. Погодинъ выражаетъ сердечную признательность кружку за присылку отчета о кружкѣ.

Профессоръ желаетъ наилучшаго развитія Бѣлор. кружку и плодотворной работы для изученія края и подъема національнаго и государственнаго сознанія въ его населеніи.

Е. Р. Романовъ, извѣстный этнографъ, съ большой готовностью выразилъ желаніе содѣйствовать кружку при изученіи Бѣлоруссіи. Е. Р. Романовъ прислалъ свой цѣнный трудъ: „Бѣлорусскій сборникъ“. Выпуски VIII и IX. Быть бѣлорусса. Словарь условныхъ языковъ. Вильна. 1912“. У Е. Р. Романова представлены бытовыя данныя по Могилев. губ. (сѣв. часть Быховскаго уѣзда). Авторъ свѣдѣтъ съ описаніемъ народнаго быта исчезающаго уклада. Патріархальный доселѣ бытъ бѣлорусса съ быстротою измѣняется влѣдствіе установленныхъ въ послѣднее время, съ проведеніемъ дорогъ и быстрымъ ростомъ городского населенія, очень высокихъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, что дало возможность крестьянамъ (?) перейти отъ натурального хозяйства къ денежному, замѣнить домашній холстъ издѣліями Лодзинскихъ фабрикъ, лапти—сапогами, деревянную соху—плугами и т. д. Описанія внѣшняго быта охватываетъ у Е. Р. Романова жилище, одежду, пищу, занятія бѣлоруссовъ. Далѣе слѣдуетъ „Народный календарь“, затѣмъ „народныя вѣрованія“, „семейный бытъ“, „игры и забавы“ и, наконецъ, „словарь условныхъ языковъ“.

По мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ профессоровъ, коллективный капитальный трудъ, вложенный Е. Р. Романовымъ въ его изданіе, заслуживаетъ полнаго вниманія и признанія. Что касается фонетической стороны записей, то и въ этомъ отношеніи трудъ, редактированный Е. Романовымъ, предста-

вляется очень интереснымъ для лингвиста, этнографа. Пожелаемъ Е. Р. Романову еще многіе годы также работать на славу Бѣлой Руси.

Бр. Игн. Эпимахъ-Шипило—библіотекаръ университета СІБ. В. О. 4 лінія, 45, 16). По прежнему оказываль сердечное вниманіе всѣмъ студентамъ-бѣлоруссамъ, охотно предоставляя имъ всѣ книги и матеріалы по изученію Бѣлоруссіи, давая справки по языку и литературѣ. Заботясь о тщательномъ изученіи Бѣлоруссіи, почтенный Бр. Игнатьевичъ также цѣнилъ всякую научную работу студентовъ бѣлоруссовъ, оказывая имъ всяческое содѣйствіе. За что и за неизмѣнную и постоянную его внимательность ко всѣмъ бѣлоруссамъ вообще бюро кружка приносить ему сердечную признательность.

Прив.-доц. А. А. Розенфельдъ—какъ руководитель кружка, не только предсѣдательствовалъ на собраніяхъ студен. кружка, но и велъ научныя бесѣды по языку вообще, читая и разбирая труды акад. А. А. Шахматова („Сводъ лѣтописей“); отмѣчая стремленія къ природной простотѣ бѣлорусскихъ поэтовъ при разборѣ ихъ произведеній.

Кромѣ научной дѣятельности руководителя кружка, слѣдуетъ отмѣтить его педагогическія указанія оканчивающимъ студентамъ-педагогамъ: объ отношеніи къ воспитанникамъ, объ изученіи ихъ психологіи, о содѣйствіи ихъ умственному и физическому развитію. Конечно, безусловно важно внимательное отношеніе къ воспитаннику, какъ и къ человѣку вообще, ибо всякій окрикъ, всякая нравственная грубость, задѣвающая достоинство человѣка, въ зависимости отъ его происхожденія и положенія—глубоко не педагогична. И такъ нравственная воспитанность педагога и соотвѣств. внимательное отношеніе его къ формирующемуся человѣку—вотъ основа педаг. дѣятельности.

В. Л. Ивановскій.—Первый „старшина“ бѣлоруссовъ въ СІБ., объединившій студентовъ-бѣлоруссовъ, фактически много содѣйствовалъ организаци бѣлорусскаго кружка. Не только любовью и вниманіемъ къ „Бѣлоруссіи“ В. Л. Ивановскій объединилъ бѣлор. молодежь, но и сердечной забо-

той о ихъ матеріальной нуждѣ, организовывая всегда для студентовъ благотв. вечера и т. д. Уѣхавъ изъ СПб. на „батьковщину“, В. Л. Ивановскій со всею душою отдался сельско-хозяйственному просвѣщенію бѣлорусскихъ народныхъ массъ и подъему ихъ благосостоянія.

Привѣтъ ему „на батьковщину“!

Ник. Мак. Игнатовскій, занимаясь изученіемъ народной музыки, приступилъ къ организаціи бѣлорусскаго студенческаго хора. Талантливый музыкально-воспитанный дирижеръ хора вкладываетъ въ это дѣло всю свою благородную интеллигентную душу, чтобъ чувства добрыя народной лирой пробуждать... Кружокъ привѣтствуетъ въ его лицѣ народную бѣлорусскую музыку.

Студ. Вл. Хлѣбцевичъ занимался изученіемъ особенностей малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ въ Бѣльск. у. Гроднен. губ. Собралъ также коллекцію народныхъ орнаментовъ, изучая народное искусство—съ этнографической и художественной сторонъ.

А. Гриневичъ по прежнему экскурсировалъ по Могилев. губ., записывая на ноты народныя мелодіи, снимая фотографіи съ этнографическихъ вещей, вишняго быта, обрядовой жизни бѣлоруссовъ. Издалъ произведенія Якуба Коласа и Голубка, а также сборники собранныхъ пѣсень.

В. А. Лебедева съ любовью и вниманіемъ изучала сценическое искусство, театръ вообще, и въ частности народный театръ въ связи съ бытомъ народа, интересуясь также народнымъ искусствомъ и народнымъ представленіемъ.

Галубокъ, поэтъ бѣлорусскій, пишетъ кружку: „Глядя съ первой страницы на первыя буквы отчета (славянскія) мои очи будто ослѣпли отъ тѣхъ лучей, какіе свѣтятъ тамъ у васъ, и освѣщаютъ нашъ темный край. Ихъ блескъ не погаснетъ никогда, я въ это вѣрю, и „Беларусь“ при такихъ работникахъ не должна никогда умереть. Мы будемъ вѣчны. Дать бы Богъ только силы вести работу „далее и вышей“. Получивши вашъ отчетъ, я почувствовалъ, какъ мое сердце наполнилось чѣмъ-то живымъ и новыя силы подступили ко мнѣ.

Я хвалюсь всѣмъ, — что у насъ много дорогихъ, дорогихъ проводниковъ свѣта науки, мнѣ они дороги. Я молюся за ихъ. Работайте, братья, работайте. Ваши посѣвы дадутъ добрые всходы. Скоро наша нива закрасуетъ и обширное, блакитное небо будетъ всегда надъ нами. Тучи отойдутъ и дадутъ мѣсто яснымъ лучамъ солнышка-свѣта!

Якуб Коласъ (бѣлор. поэтъ) пишетъ кружку:

„Я не знаю, какъ привѣтствовать васъ, дорогіе друзья бѣлорусскаго народа! Скажу только, что никакая „реформа“ правительства, пусть бы самая свободнѣйшая и самая широкая, не сможетъ сдѣлать для бѣлорусскаго народа того, что можетъ сдѣлать ваша „шчырая“ работа на томъ грунтѣ, на который вы ее поставили. Ибо это будетъ правдивая живая работа. Вашъ кружокъ это—солнце Бѣлоруссіи, откуда будетъ разливатьсѣ свѣтъ во всѣ углы ея... Пусть же небо ваше будетъ свѣтлое и привѣтное!..

Студ. К. С. Душевскій. Необходимость изученія бѣлорусскаго народнаго искусства вообще и орнаментики и архитектуры въ частности. Никто нестанетъ оспаривать того мнѣнія, что изученіе народнаго искусства должно быть поставлено на видное мѣсто при изученіи даннаго края. Искусства въ широкомъ значеніи этого слова являются зеркаломъ души даннаго народа. Изученіе искусства даетъ намъ полную наглядную картину исторіи народа. Изученіе искусства указываетъ также въ какомъ направленіи дѣйствуютъ тѣ или инныя географическія и климатическія условія на жизнь и развитіе этого народа. Эти основанія включаютъ въ себя архитектуру и орнаментировку. Почти всѣ культурные народы давно уже замѣтили громадную важность народнаго искусства и стали его изучать усердно и добросовѣстно. Многіе художники черпаютъ вдохновеніе въ народномъ искусствѣ, какъ въ спокойномъ, здоровомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ очень жизненномъ. Если мы поглядимъ, что сдѣлано для изученія Бѣлорусскаго искусства, то увидимъ, что почти ничего. Кладъ многихъ столѣтій, собираемый 9 милліоннымъ народомъ, начинается увядать и клонится къ

упадку, вследствие отсутствія поддержки со стороны его интеллигентныхъ людей.

Какъ же сохранить прошедшее—„старину“ и поддержать настоящее народнаго искусства?

Для этого нужно охраненіе старины на дѣлѣ и изученіе ея. Средства къ этому: коллекціонированіе, фотографированіе, зарисовываніе, запись всего того, что не только намъ кажется важнымъ по состоянію нашихъ знаній, но и того, что не важно, по нашему мнѣнію, ибо для будущихъ специалистовъ съ большимъ опытнымъ знаніемъ—то, что не важно для насъ, для нихъ будетъ важнымъ. Намъ не надо гнаться при коллекціонированіи за вещами эффектными, очень большими, но нужно собирать, зарисовывать, записывать и вещи скромныя—на первый взглядъ—мало важныя, записывать и зарисовывать ихъ детально—до мельчайшихъ подробностей. Предметы научнаго изученія: 1) общія контуры зданій (начиная отъ древнихъ развалинъ, кончая новѣйшими постройками), 2) планъ расположенія двора, усадьбы, 3) планъ расположенія комнатъ въ избѣ или въ дому, 4) устройство и скрѣпленіе стропиль, 5) окна—до мельчайшихъ подробностей, 6) оконная рѣзьба, 7) рѣзьба на дверяхъ, 8) крыльцо, количество колонъ, форма крыши на крыльцѣ, орнамента на крыльцѣ, 9) ворота: форма и орнамента ихъ, 10) въ избѣ: орнаменты, устройство скамей, столовъ, скамеекъ, орнаменты на столахъ, печь, 11) колодезь—будка надъ колодцемъ и т. д. 12) изученіе церквей и костеловъ должно быть тоже не на послѣднемъ мѣстѣ. При изученіи ихъ, главное вниманіе должно быть обращено на общій видъ (фотографія), на арки и колонны, окна, колокольни, „званица“, „званы“, ризы, иконы—старыя (въ особенности), 13) старыя замки, развалины—пропаганда идеи ихъ сохраненія, раскопки—только свѣдующимъ археологамъ, но брать только все возможное при изученіи—по общимъ соображеніямъ. Ничѣмъ не должны брезгать изучающіе, ничто отъ ихъ пытливаго ока не должно уйти. Трудное для насъ должно быть легкимъ. И все достояніе Бѣлоруссіи—въ области искусства—не только не будетъ

клониться къ упадку, но возрастетъ, по мѣрѣ вложенныхъ нашихъ юныхъ силъ.

Ев. Хлѣбцевичъ. Бѣлорусская литература, не смѣвшая до 1905 г. открыто появляться на свѣтъ, распространялась въ переписанномъ видѣ. Такъ цѣлыя произведенія Дунинъ-Марцинкевича, Ф. Богушевича долгіе годы „ходили по рукамъ“.

Наконецъ, бѣлорусская литература, вырвавшись на волю въ 1905 г., нашла откликъ въ сердцахъ бѣлорусской молодежи, пробудивъ цѣлые кадры пылкихъ юношей къ культурной работѣ надъ возрожденіемъ народа.

Народный романтизмъ—вотъ наиболѣе характерное теченіе или общій знаменатель бѣлорусскихъ писателей.

Нѣтъ въ русской литературѣ, кромѣ Некрасова, такихъ народныхъ лириковъ, которые бы такъ близко подошли къ народу, какъ бѣлорусскіе поэты—дѣти самаго народа „кость отъ костей его и кровь отъ крови народа...“

По своему социальному положенію бѣлорусскіе писатели—народъ все простой: крестьяне, рабочіе, столяры, печники, кожевники, лѣсники, желѣзно-дорожники портные и народные учителя.

Что касается научнаго изученія бѣлорусской пѣсни и произведеній народнаго творчества, то въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изданія Академіи Наукъ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ академика А. А. Шахматова.

Въ этихъ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ переданы не только мотивы народныхъ пѣсень, но и фонетика рѣчи бѣлорусовъ данной мѣстности.

Даже управленіе виленскаго учебнаго округа выпускаетъ въ послѣднее время интересныя изданія, представляющія произведенія коллективнаго народнаго творчества бѣлорусовъ.

Таковы, напр., „Матеріалы по этнографіи Гродн. губ. подъ ред. Е. Романова 1912 г.“ Весь сборникъ (I и II вып.) содержитъ матеріалы по описанію быта населенія, данныя

для изученія народнаго міровоззрѣнія, описанія главнѣйшихъ обрядовъ (пѣсни обрядовыя: колядныя, пасхальныя, весеннія, лѣтнія, крестинныя, пасхальныя, свадебныя и т. д.) Многочисленный пѣсенный матеріалъ, пословицы, загадки, тексты духовныхъ стиховъ, записи преданій, легендъ и сказокъ.

Наконецъ, интересны недавно изданныя тѣмъ же Виленскимъ учебнымъ округомъ „бѣлорусскія пѣсни „Частушки“, собранныя извѣстнымъ бѣлорусскимъ этнографомъ Н. Я. Никифоровскимъ подъ ред. А. Ф. Занкевича.

Сборникъ Никифоровскаго содержитъ въ себѣ 2356 бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сѣв.-Зап. края, большею частью учителями и учениками народныхъ школъ, въ періодъ времени отъ 1860 до 1905 г. Огромное большинство пѣсенъ относится къ разряду такъ называемыхъ „Частушекъ“ или „Припѣвокъ“. Это небольшія, состоящія обыкновенно изъ 4—6 стиховъ, пѣсенки, которыми сопровождаются танцы, игры и другія развлечения деревенской молодежи, часто подъ аккомпаниментъ музыки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи частушки носятъ другія, болѣе характерныя названія: „топтушки“, „дрындушки“, т. е. пѣсни, сопровождаемыя въ тактъ музыки.

Кромѣ „Частушки“ въ сборникъ Никифоровскаго вошли, въ довольно значительномъ количествѣ, пѣсни другихъ видовъ: свадебныя, бытовыя, рекрутскія, колыбельныя, шуточные и др.

„Частушки“, собранныя Никифоровскимъ, интересны, какъ новый видъ народнаго пѣсеннаго творчества, отражающій на себѣ внѣшній бытъ, чувства и мысли современнаго бѣлорусса, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Языкъ „частушекъ“, благодаря сильно развитой символикѣ, довольно образный.

Тонъ, вслѣдствіе обилія ласкательныхъ и уменьшительныхъ словъ (любинятка, милѣночикъ, миланичка, душачка, кумусенька и мн. др.) отличается нѣжностью и задушевностью; размѣръ стиха и рима почти вездѣ выдержаны, что придаетъ пѣснямъ музыкальность и благозвучіе.

„Частушки“, вошедшія въ сборникъ Никифоровскаго за весьма немногими исключеніями, чисто бѣлорусскія.

Нельзя обойти молчаніемъ и „Бѣлорусскихъ сборниковъ“ Е. Р. Романова. Академія Наукъ обратила вниманіе на его труды и при ея содѣйствіи Е. Романовымъ выпущены 8 и 9 выпуски „Бѣлорусскаго сборника“—„Быть бѣлорусса“ (8) и „Словарь условныхъ языковъ“.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить научныя работы, относящіяся къ изученію бѣлорусскаго языка, академика А. А. Шахматова.

Почтенный академикъ А. А. Шахматовъ свой взглядъ на бѣлорусскій языкъ, какъ наиболѣе чистый славянскій, высказалъ пока въ университетскихъ лекціяхъ. Конечно, большое значеніе онъ придаетъ изученію бѣлорусскаго языка, такъ какъ это необходимо для исторіи образованія русскаго языка.

Проф. Е. О. Карскій, авторъ европейски-извѣстнаго капитальнаго труда „Бѣлоруссы“, изучая строеніе формъ бѣлорусскаго языка, считаетъ это нужнымъ для выясненія грамматики и синтаксиса русскаго языка...

Извѣстный бѣлорусскій этнографъ Е. Р. Романовъ на нашъ вопросъ, какъ приступить къ изученію родины „Бѣлорусскому научно-литературному кружку студентовъ Спб. Университета“, отвѣтилъ такъ:

— Что касается работъ кружка, то мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы прежде всего и больше всего спасти произведенія души родного народа, которыя гибнутъ ежечасно по всей линіи, замѣняясь пошлыми произведеніями фабрики, казармы, города, отхожихъ промысловъ. Попробуйте составить научно-систематическій указатель къ изданіямъ произведеній народной словесности; сдѣлайте сводъ мотивовъ нашихъ сказокъ; очень мало и очень плохо записаны наши мелодіи: берите фонографы и записывайте.

Опредѣлите границы нашихъ говоровъ, хотя бы крупнѣйшихъ. Тутъ нужны именно усилія многихъ лицъ, т. к. бѣлорусская рѣчь дробится на множество рѣкъ, рѣчекъ, ручейковъ, крыничекъ. Собирайте матеріалы для словаря, котораго у насъ все еще нѣтъ, для исторической топониміи

страны, записью названій всѣхъ ея урочищъ, чтобы умѣрить пылъ ученыхъ, отнимающихъ у бѣлоруссовъ чуть не половину словъ и отдающихъ ихъ литовцамъ, латышамъ, полякамъ, даже финнамъ. Ничего не сдѣлано у насъ по изученію нашего прадревняго орнамента—въ широкомъ значеніи. Не приступлено и къ изученію нашего обычнаго права. Возьмите книги рѣшеній волостныхъ судовъ за 60-ые и 70-ые годы пр. в.—когда писаря еще не мудрили, и систематизируйте рѣшенія. При этомъ самъ собою рѣшится и вопросъ о „Литовскомъ“ Статутѣ.

Такимъ путемъ, объединившись на почвѣ научно-культурной, бѣлоруссы надѣются пробудить въ народѣ его дремлющія силы и дать имъ выходъ.

Только путемъ организованнаго научнаго познанія духовной и матеріальной жизни бѣлорусскаго народа—возможно содѣйствіе пробужденію народа къ новой жизни!

Да и среди самаго народа замѣчается жажда просвѣщенія и самообразованія, стремленіе къ претворенію въ жизнь культурности и знанія.

Къ сожалѣнію, развитію культуры въ народѣ—сильное противодѣйствіе оказываютъ церковно-католическія отношенія бѣлоруссовъ.

Бѣлорусское общество содѣйствовало и содѣйствуетъ развитію самостоятельной мысли народа, развитію всѣхъ его творческихъ силъ. Вѣдь, здѣсь хранится ключъ къ сокрытой творческой энергіи народа. Дайте ей выходъ, и какъ величественный вулканъ, разрушившій оболочку, вспыхнетъ творческая красота, могучая народная энергія—въ самыхъ разнообразныхъ формахъ..!

Въ этомъ отношеніи бѣлорусское образованное общество кое-что сдѣлало (организация народныхъ библіотекъ-читалень, кооперацій, с.-хоз. кружковъ, народныхъ театровъ и пр.).

Въ послѣднее время бѣлоруссы выступаютъ уже съ прак-

тическимъ планомъ организованной культурной работы въ народѣ.

Семь лѣтъ—съ тѣхъ поръ, когда впервые открыто можно было печатать на бѣлорусскомъ языкѣ, бѣлорусская пресса работала, чтобы подвинуть бѣлоруссовъ къ всестороннему возрожденію. Семь лѣтъ она старается освѣтить тѣ дорожки, которыя ведутъ нашъ народъ къ новой жизни. Познаніе края и практика—вотъ основы нашей работы.

На основаніи этого, бѣлорусское мѣстное общество, и отдѣльные студенты—бѣлоруссы, редакция „Наша Нива“, общественные дѣятели и др. намѣтили краткую программу культурной работы въ народѣ.

Работа эта, главнымъ образомъ, состоитъ въ распространеніи чистаго просвѣщенія и развитія гражданской и національной сознательности среди бѣлоруссовъ, на ряду съ этимъ необходимо развитіе экономической силы народа.

Для достиженія первой цѣли нужно:

1) устраивать школы, библіотеки, читальни, читать лекціи, организовывать курсы для народа и т. п. и вездѣ проводить въ жизнь идею о родиновѣдѣніи и о просвѣщеніи какъ школьномъ, такъ и внѣшкольномъ;

2) распространять печатное слово: книги, газеты, брошюры на родномъ и на другихъ языкахъ;

3) открывать всякіе кружки и товарищества, гдѣ можно было бы распространять общественную и народную идею;

4) работать для развитія бѣлорусской литературы, народнаго искусства, народнаго театра и музыки (пѣсни);

5) знакомить широкіе круги съ бѣлорусской исторіей, теперешнимъ положеніемъ народа и его задачами въ будущемъ; организовывать выставки и музеи этнографическіе, историческіе, кустарные и т. п.

Для содѣйствія же экономическому подъему народа необходимо развивать всѣ его творческія силы и заботиться о томъ, чтобы имѣть всѣ нужныя условія.

На этой почвѣ работу нужно вести такъ:

1) развивать въ народѣ привычку удовлетворять свои нужды своими силами — общей, союзной, кооперативной работой;

2) помогать укрѣпленію и развитію сельскаго хозяйства, расширенію площади крестьянской земли;

3) открывать всякія кооперативныя общества и товарищества: кредитныя, торговыя, для оптовой закупки товаровъ и т. д.;

4) организовать сельско-хозяйственныя общества, школы, выставки и т. д.;

5) открывать организациі для содѣйствія коопераціи, развитія хозяйства, кустарнаго ремесла;

6) заботиться объ улучшеніи условій труда;

7) помочь урегулированію дѣлъ эмиграціи; стараться вмѣсто эмиграціи въ Америку—организовать эмиграцію на сезонныя работы въ ближайшія страны и края (на лѣто) чтобы крестьяне возвращались домой съ деньгами и съ запасомъ сельско-хозяйственныхъ знаній, помимо практики въ чужихъ земляхъ.

Каждый шагъ на этомъ пути будетъ приближать бѣлоруссамъ тотъ моментъ, когда народъ, познавши свои нужды и научившись своими силами удовлетворять ихъ, наконецъ таки, [будетъ самъ себѣ хозяиномъ въ культурно возрожденной Бѣлоруссиі.

Е. Х.

Посвящается

„старшинъ“

В. Л. Ивановскому.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Возрожденіе бѣлорусской народнической литературы.

Возрожденіе бѣлоруссовъ, не имѣвшихъ въ своей средѣ ни „пановъ“, ни чиновниковъ, можно признать чисто народнымъ. Последнимъ опредѣляется все національное бѣлорусское.

Общая волна освободительнаго движенія 1905 г., всколыхнувшая всю Россію, докатилась и сюда, встряхнувъ соннаго забитаго бѣлорусса.

Но уже ранѣе 1905 г. теченіе мѣстной общественной мысли подготовляло бѣлоруссовъ къ идеѣ о правахъ чело-вѣка и гражданина.

Шло это какъ-то исподволь, съ перерывами, замирало на долгіе годы... и вновь воскресало, было дѣломъ маленькой кучки идеалистовъ-романтиковъ и учащейся молодежи.

Еще помнится—какъ за много лѣтъ до 1905 г. по тому самому Васильевскому острову пробирались по одному студенты-бѣлоруссы на собранія—поговорить за чаемъ о народномъ просвѣщеніи бѣлоруссовъ... Какъ издать книжечку сказокъ на бѣлорусскомъ языкѣ, какъ выпустить въ свѣтъ бѣлорусскихъ поэтовъ и проч.

И вотъ то же настроеніе служенія родному народу замѣтно и сейчасъ среди бѣлорусской молодежи,—но уже въ формахъ легальныхъ, культурныхъ и широкихъ...

Только теперь больше вѣры и практической бодрости на основаніи результатовъ энергичной, одухотворенной порывомъ служенія народу работы — бѣлорусской молодежи.

Больше и увѣренности въ благородномъ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ.

Племя бѣлорусское, культурное возрожденіе котораго происходитъ на нашихъ глазахъ, довольно велико—8½ миллионное.

Неудачно-лишь сложился укладъ его сельскохозяйственной жизни. Вѣдь, землепользованіе въ Бѣлоруссіи, отличающее ее отъ Польши (хутора) и Великороссіи (община съ переходомъ на хутора и отрубъ), — подворное съ крайне выраженной чрезполосицей.

Чрезполосица не только между землей помѣщичьей и крестьянской, но и въ самой крестьянской. Благодаря чрезполосицѣ, имѣются хозяйства съ полемъ, раздробленнымъ на 60 и даже на 96 отдѣльныхъ „шнуровъ“... Говорить о неудобствахъ такихъ земельныхъ, тянувшихся какъ телеграфныя проволоки, „шнурахъ“, не приходится. Въ связи съ этимъ надо поставить множество судебныхъ процессовъ, многолѣтнихъ споровъ и т. д.

И не только земельныя условія, но и царившее здѣсь когда-то со всей магнатской жестокостью крѣпостничество, окрестившее бѣлорусскихъ крестьянъ „быдломъ“ (скотиной), и „опека“ и пр.—совдавали образецъ рабской забитости въ лицѣ бѣлорусса.

Послѣднему обстоятельству не мало содѣйствовало и то, что еще въ XVII столѣтіи на Бѣлоруссіи стала уже развиваться польская культура. Интеллигенція мѣстная полонизируется, благодаря перешедшему изъ Польши римскому обряду католической церкви, съ другой стороны въ Бѣлоруссію переѣзжаютъ польскіе помѣщики.

Итакъ, XV и XVI вв.—это борьба независимой бѣлорусской волости къ нарождающейся шляхтой.

А въ XVII в. на сеймѣ въ Вильнѣ ополчившаяся шляхта постановила: „Pisarz prawinen po polsku. a nie po ruski pisac“—какъ разъ противъ Литовскаго статута, гдѣ ясно сказано: „А писарь земскій маеть по русску литерами и словы русскими всѣ листы, выписы и позвы писати а не нашимъ языкомъ и словы, а присягнути маеть на врьдъ свой“ (1588 г.).

Бѣлорусскій народъ, лишенный возможности культурно-развиваться въ своихъ природныхъ формахъ, замираеть на время... Собственно скрытная жизнь въ немъ не прекращается, ибо жизнь не можетъ сама себя отрицать, иначе бы она кончилась, но она существуетъ и таить въ себѣ сѣмена вѣчности... Бѣлоруссы не могли лишь выявлять себя свободно и независимо..

Но, несмотря на всѣ несносныя историческія обиды и оскорбленія, народная мысль помаленьку начинаетъ выбиваться изъ неволи...

Только уже въ XVIII в. нѣкій В. И. Ровинскій—а по другимъ, Маньковскій пересказываетъ малорусскую „Энеиду“ Котляревскаго „на смоленскій крестьянскій языкъ“.

Потомъ въ 50 годахъ XIX в. бѣлорусскій дѣятель Чечотъ не разъ подавалъ примѣръ культурной работы надъ возрожденіемъ бѣлоруссовъ.

Но только В. Дуинь-Манцинкевичъ (1803—1885 гг.) первый ясно и смѣло сталъ писать на бѣлорусскомъ языкѣ. „Бѣлорусскій селянинъ, по мнѣнію В. Д. Марцинкевича, („Dudarz Bialoruski“ I изд. 1875 г. Минскъ), видя книжку на своемъ родномъ языкѣ, охотнѣе читаетъ ее и дѣтокъ своихъ легче привлекаеть къ образованію.

Подъ влияніемъ идеи французской революціи о правахъ человѣка и гражданина и съ приближеніемъ времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, В. Д. Марцинкевичъ, ставъ ближе къ народу, писалъ въ „Wieczornicach“ (ст. 37):

A chłopi poddani
Klna ciebie z pod nosa,
Patrzac sie z „ukosa,
Ze praca ich zyjesz
Ze trudem ich ty jiesz“...

Поэтъ любилъ бѣлорусскій народъ, „что лицо земли сохой-бороной разрыхляетъ“, и если думалъ о народѣ, то передъ его глазами вставали тысячи трудовыхъ крестьянъ. Потому-то всѣ его мысли кружатся, трепещутся около улучшенія доли мужика! А улучшить его долю, по мнѣнію В. Дунинъ-Марцинкевича, можно было двояко: а) освободить отъ „панщины“ и б) просвѣтить самаго крестьянина. Самое же радикальное лѣкарство отъ неволи и бѣды поэтъ видѣлъ въ одномъ—въ свободѣ, въ скорѣйшемъ уничтоженіи „панщины“ (крѣпостного права).

Въ 1860 г. онъ написалъ стихотвореніе:

Весна голод перепала,
Ані солі, ані, круп;
І скаціне корму мала
І самому ані у зуб...

И, описывая всю бѣдноту и ужасъ „панщины“, поэтъ глазами самихъ мужиковъ смотритъ на будущее:

„Будзем роўныя з панамі
Самі будзем, як паны“ и т. д...
Перестануць нашім братам
Як скацінай таргаваць,
Напускацца ліхім матам
Скуру з ног да карка драць.
Хоць халодна, хоць галодна,
Холад, голод ні пачём!
Эх! каб толькі нам свабодна!
На свабодзе адживём.
Вось панам ня дужа лоўка:
Самім трэба працаваць!

Пабаліць не раз галоўка,
Калі прыдзецца араць!
Не адзін то напацеець
І заскачець драпака...
Бо сам толькі есць умеець
Ды драць скуру з мужыка.
Як бы быў якой скацінай,
Або горшы ад яго:
Білі пугай ды дубінай.
А цяперь брат—ого-го!
Мужык будзець не скацінай;
Не разь скажець пан с паноў:
— Пане Грышка, пане Міна!
Як же васпан? ці здароў?

Такъ поэтъ рисуеь картину освобожденія отъ „панщины“, точно видѣли ее глаза забитаго бѣлорусса, который въ свободѣ видѣлъ конецъ издѣвательства надъ человекомъ. В. Дунинъ-Марцинкевичъ—не только бѣлорусскій поэтъ, которому приписываютъ поэму „Тарасъ на Парнасъ“, не только народникъ и педагогъ, но и драматургъ народный.

Слѣдуетъ отмѣтить его театральныя пьесы изъ быта народнаго, его личное участіе въ пьесахъ. Въ изданной въ 1846 г. имъ въ Вильнѣ комедіи „Селянка“ представлена характерная бытовая картина, гдѣ „пань“ говорятъ на польскомъ языкѣ, а крестьяне на „простомъ“ бѣлорусскомъ языкѣ. Впослѣдствіи къ тексту его комедіи Ст. Монюшко, личный другъ поэта, составилъ музыку наиболѣе характерную для Бѣлоруссіи изъ всѣхъ, созданныхъ потомъ искусств. музыкальныхъ произведеній, кромѣ, конечно, „Сюиты Бѣлорусской“ г. Роговскаго.

II.

Но вотъ Ф. Богусевичъ, съ котораго начинается боевой народнической періодъ въ бѣлорусской литературѣ, думаетъ о радостной музыкѣ на свирѣли бѣлорусской, чтобы

облегчить судьбу народа, дать ему живой воды: „и такой водицы, да изъ такой криницы, что какъ кто напьется—вольнымъ станетъ!“ Но нѣтъ... Не играетъ его свирѣль о вольной жизни, о свободѣ. Поэтъ играетъ тогда на другой бѣлорусской „жалейкѣ“ смутной.

И вотъ заиграла настоящая бѣлорусская свирѣль. Стонетъ „безъ умолку“...

Играетъ печальная свирѣль-жалѣйка, все вспоминаетъ, плачетъ, какъ очи поэта, надъ народной долей. Играетъ слезнымъ тономъ“.

„Як слязы не стане,
— Заціхне іране,
Кінь наукола вокам
Дык крывавам сокам,
Не слязой заплачешь,
Як усе абачышь.
Як крыві не стане,

Тагды кончу гране!

И вотъ какъ бы не игралъ поэтъ,—а она „смутная“.

Но поэтъ вѣритъ въ жизнь, въ жизнь зеленой берѣзки, символизирующей Бѣлоруссію, вѣритъ въ жизнь ея зелѣныхъ сѣмянъ:

„Не тужи, березка, свет с нами не сгинет:
„Вечер, як павее, шішачкі раскіне,
Хоцьбы ты засохла,—вырасце вас болей...
Перестанем плакать мы над своей долей!
Яко-сь яно будзе, даживем да дошкі.
Хоць лепей, хоць горей, абы не так трошкі!
Шішачкі раскіне, як параскидала
Маіх шесть сыночкау—здаецца, цімала?
Усе разыйшліся!

— Ну дык рана—позна тыкі мне здаецца.

Кожны занудзіцца, да дому прібьецца“...

Итакъ, Франц Богусевичъ (Мацей Бурачекъ) самый яркій народный поэтъ Бѣлоруссіи въ періодъ до 1905 года.

Съ этого года „Наша Ніва“ дала возможность выдвигаться уже изъ народа поэту Якубу Коласу.

Всѣ муки бѣлоруссовъ, все ихъ горе, темнота, бѣдность убогой жизни народа—нашли яркаго выразителя въ лицѣ Якуба Коласа.

Сколько въ его стихотвореніяхъ жгучихъ слѣзъ сына Бѣлоруссіи, сколько силы и художественной правды! Невольно захватываетъ васъ его музыкальный стихъ, посвященный родицѣ „Наш родной край“...

„Край наш бедны, край наш родны!

Гразь, балота ды песок...

Чуць дзе крыху луг прыгожы...

Хвойник, мох ды верасок.

А туманы, як пялёнка,

Засыцлаюць лес и гай.

Ой ты, бедная старонка!

Ой, забыты Богам край!

А як песьня панясецца,

Колькі ў песьні той нуды!

Уцекаў бы, бег, здаецца

Самъ не ведаеш куды..

Край наш родны! Бедно поле!

Ты глядзішь, як сірата.

Сумны ты, як наша доля,

Як ты, наша цемната!

Бѣдно и „наше село“: Крыши соломенные, мохомъ убранны. Покрывились всѣ избы, какъ бы въ землю „вошло“ село. Въ окна всажены лучинки.

„Спарахнела наша школа

Згніу паркан увесь навакола,

Школа згорбилась, як склют (скелет).

Тутъ нуда жыве людзская,

Прыпынілось горэ тут;

Сьмерць дзяцей, хвароба злая

Тут знайшлі прытульні кут!

Сынъ крестьянина—Якубъ Коласъ связанъ кровно и съ нивой на полѣ..

Онъ видитъ „мужычью ниву“: вотъ тянется полоска, заглушаемая сорной травой и „зельемъ“.

„Ветрам паламала,
Дожджыкам прыбіла;
Навальніца з градам
Каласы скруціла.

Какъ крестьянъ, сынъ-природы, полей и нивы съ шумящими колосьями—не удивительно почему поэтъ Якубъ Коласъ такъ связанъ съ природой.

„Ой, мужыча ніва“!
Ты-сіротка у полі:
Німа табе шчасьця,
Німа табе долі!

Даже птички плачутъ о нивѣ бѣлоруссовъ:

Пташкі у Божым небі
Плачуць над тобою,
Што зрасла ты, ніва,
Палыном, травою...
На мужычай ніве
Каласы пустыя...
Ці ня шкодны полю
Слёзы вы людзскіе?

И, дѣйствительно, въ стихотв. „Жніво“ Я. Коласъ видитъ рѣдкое „эбоже“, травы половина,

„Колас ня гнецца зярном да зямлі,
Знаць, нешчасьліва была та часіна,
Як кідалі зерне сеуцы на ралы.

И вотъ вышли на поле жней съ серпами—въ „лапцяхъ“ „изъ лыка“, а кто—безъ лаптей,—

— „Ніва пустымі шуміць каласамі,
Ніва не цешыць жаночных вачэй!

Только..

. . . . .

Только въ колыбелі плачеть дитятко—и „нудна
над вухам звiніць авадзень!..“

Полевая поэзія Якуба Коласа—представляет удачное,
очень естественное сочетаніе формы и содержанія..

Колосьями шумящей нивы, зеленью полей и луговъ,
воемъ лѣса—вѣтъ отъ гармоничной простоты стиховъ Я. Ко-
ласа..

Его произведенія сразу какъ-то захватываютъ.. Значеніе
Якуба Коласа—народно-національное, при чемъ послѣднее
слѣдуетъ отождествить съ трудовымъ, крестьянскимъ..

По силѣ чувствъ, природной непосредственности, по
художественной образности и музыкѣ стиха—Якубъ Коласъ
безусловно займетъ славное мѣсто въ бѣлорусской литературѣ.

По мысли—его произведенія очень послѣдовательны
и проникнуты гражданской скорбью, вѣрнѣе бѣлорусской
народной недолей.

Печальна и жизнь самаго поэта. Вѣдь, этотъ лучшій поле-
вой цвѣтокъ народной поэзіи на три года былъ осужденъ
къ крѣпости за участіе въ бѣлорусскомъ учительскомъ
союзѣ. Три года „отсидѣлъ“ и только 15 сент. 1911 г. вышелъ
на „волю“..

Потому-то цѣлый сборникъ его стиховъ:

„Песньі Жальбы“, озаглавленныхъ по отдѣламъ:

„Думкі“. „Родные образы“, „Мужычае Жыцце“, „На раз-
стані“, заканчивается отдѣломъ стихотвореній—„С турмы“..
И вотъ тамъ...—

„За агарожаю перэд астрогам
У ціхім куточку адна
Кветка Красуе на Грунце убогі,
Хороша звяе яна...
. . . . .
. . . . .

Двор непрытульны і глеба песчана,
Грунт весь убіты, як ток.
Сонцэ не свеціць скрось шчэліні паркана,
Выдзмухаў вецер весь сок...
Сонцу, людзям не відна...
Мілая кветка, дзіцятка поля
Межы зялёнай убор!
Як ты папалася з волі у няволю?
Як занеслася на двор?

Я. Колась звязань душой со всей природой, съ лѣсомъ,
съ рѣкою „Нѣманъ“, поэтъ вникаетъ въ эту родную стихію:

У ціхі вечар над тобою
Дудка плакала ня раз,
І кацілася слязою
Песня у цёплы летні час...
А на берэзі, пад дубомъ,
У ночку цёмную рыбак
Спау ня раз над мокрым лубом,
Гнуйся с холаду бедак...
А у буру вецер кветку
Да грудзёу тваіх схіляю,
І у табе касец у летку
Пот кровавы абмываю,
Над тобой месяц круглы
У ясным небі ціха плыю,
І с табой высокі, смуглы
Лес ціхутка гаварыю.
Перарэзаю край ты родны
Беларуса-мужика...
О, наш чысты, наш свабодны
Нѣман быстрая рэка.
Ты цячэш далёка, знаю,—
У землю Літвы і Немцоу,
Раскажыж чужому краю
Пра жыцьце тваіх сыноу“...

Таковъ народный характеръ творчества бѣлорускаго Некрасова—Якуба Коласа.

Наиболѣе ярко романтика выражена въ произведеніяхъ „Цѣтки“...

„Хацела-б быц зерном пшаницы,
Упасць на ніукі вѣскі,
Зазалаціца без мятліцы,
Даць хлеб смачнейші тропкі!
Хацела-б быць я рэчкай быстрай,
Абегчы родны край,—
Гдзе напайц, а дзе скупаць,
А гдзе утуліца у гай“...

Несмотря на тяжелую жизнь поэтессы Цѣтки, несмотря на тяжкія препятствія и страданія при полученіи образованія, она, какъ дочь крестьянъ, сама себѣ обязана даже въ полученіи средняго образованія; высшее же получила при помощи своихъ силъ на курсахъ Лесгафта и во Львовскомъ Университетѣ. И вотъ „Цѣтка“ въ стих. „Грайка“. Хочетъ работать, хочетъ играть...

„Грау бы я многа, дык сіл не хватае
У рвецца за стрункаю струнка,
Хоць песня ешчэ не замѣрла удалая
Хоць родзіцца думка за думкай.
Можэ с тэй ліры вырасце іва,
С парваных струн—белые кветкі.
Можэ вясною будуць ігрыва
У дреуца ценю гуляць дзеткі;
Можэ хто з дзетак скруце жалейку,
Унучку паломанай ліры,
І так заіграе, што ўсенька зямелька
Пачуе мой одгалас пчыры!
Дзедавы струны, рана парваные,
Зноу громка азвуцца, як званы.
Песня, за жыцця яго недаграная,
У сэрцы ўнука даець плёны.

А на задушкі пад цёмнаю івай
Жывое пачуецца слова,
Што песня ўстала с стотысячнай сілай,
Жыве мая пра наво!

Посвящая одно изъ стихотв. „Весковым Кабетам“ Цётка „бѣдуетъ съ ними“.

„Як каліну град страсае
Як пярун каменье крышыць,
Так льѣ рана вась ламае
Так жыцьце красу вам нішчыць.

Колькі болю у вачах хмурных,
Колькі скаргі з губ збялелых,
Колькі срэбра ў косах густых,
Колькі поту з рук абмлелых...

Ой, кабеты, ой вясковы,

Ой, вы кветкі прызавяты!

Ой, лілейкі вы без мовы,

Ой, вы птушкі безкрыдлаты!..

Затѣмъ не менѣ славное мѣсто занимаетъ Я. Купала. Мѣсто это—не второе и не первое, а своеобразное, можно сказать, рядомъ идутъ Я. Колосъ и Я. Купала—каждый своимъ путемъ.

Янка Купала, какъ сынъ крестьянъ, несеть въ душѣ своей всю недолю цѣлаго бѣлорускаго народа. Стихи его разнообразны по формѣ, отличаются музыкальностью и легкимъ приспособленіемъ языка какой-угодно формѣ.

Первую книгу стихотв. „Жалейка“ Я. Купала начинаетъ такъ:

„Грай, моя жалейка“,

Пей, як салавейка!

Апевай нядолю,

Апевай няволю,

И грымі свабодна,

Што жыве край родны.

Прошло два года и Я. Купала во II сборникъ „Huslar“ еще съ большей любовью отдаетъ свой „сердца жарь“.

— „Я нясу вамъ дар
Братніх скіб і сяліб,
Сумных сосан і ліп,
Божы дар, сердца жар,
Вольных, звонкіх песень чар.
Гей! нясу вам дар.

И вотъ народный пѣвецъ играетъ все сильнѣй и сильнѣй

„Гей, гусяр, гусяр!
Ты удар, удар
Па струнах—званах,
Дай намъ с песень дар,
Дум вялікіх чар,
К сонцу зорны шлях,
Дай гусяр, гусяр!

И вотъ заиграли, загудѣли гусли-самограи о великой, о сторонкѣ—„Беларусі-маці

Жальба страшная—бязконца
Усе чуваць-чуваці.....
Плачуць, жалюцца спрасоння
Гуслі самаграи,
Аж, здаецца, пуца стогне,
Курган уздыхае...

Вотъ почему Якубъ Колась и Янка Купала—душа и языкъ пробуждающагося къ новой жизни народа. Національное, бѣлорусское у нихъ сливается съ народнымъ, крестьянскимъ, трудовымъ, съ землей, съ лѣсами, и лугами...

Соціальная неправда также ярко выражена у Янки Купалы: въ ст. „Так-не“.

Дзе гора шукаці,
Так-не, так-не.
У мужыцкай хаці,

Так-так, так-так.
Учора и сягоння
Так-не, так-не
Загарак гамоне...

Я. Купала, вскрывая экономическую неправду и содѣйствуя преобразованію у бѣлоруссовъ народнаго самознанія, самознанія своей личности,—вноситъ очеловѣченіе въ самую забытую среду бѣлорусскихъ крестьянъ.

Правдой, вѣрой въ будущее, бодростью, но и нѣкоторой жалостью вмѣстѣ съ глубокимъ самосознаніемъ вѣтъ отъ всѣхъ твореній Янки Купалы.

Итакъ, Якубъ Коласъ, Янка Купала, Цѣтка—вотъ наиболѣе яркіе представители возрождающейся бѣлорусской литературы.

Стихотворенія рабочаго — Цішка Гартнаго (Д. Жилуновичъ) проникнуты трудовой вѣрой—въ лучшую долю. Въ стих. „Свобода“ Цішка Гартны говоритъ:

„И шагаю за ею цяперъ
Бо яна прада мною гарыць
И цихутка здалеку маниць:
„Ты дагонішь мяне, толькі верь“!
Не глядзі, што наукола цябе
Небрабачная ночка стаиць...

Кромѣ идеи о счастья народа, о волѣ, о необходимости превращенія чистыхъ идей въ дѣло—упорнымъ трудомъ, стихи Цішки Гартнаго захватываютъ часто своей непосредственностью и вѣрой. Таково стихотвор. „Первая волна“:

„Я—першая хваля па соннаму мору...
Спакойнае море люстранай вадою
Пракладае гладзью свабодай дарогу;
И рвуся я хутка пянiстай градою
У синія далі, да скату нямога...
Далёка шчэ бераг і кані не чутны,
Хаваюцца дымкаю сiняю далі,
А поступ мой цвёрды, мой поступ магутны,

И ходу ня спынюць срэць пуцьныя палі,
Дайду я свабоднай да берагу мора,
Звяспіць я сумею . . . . .
Хоць знікну безмольна у шырокім прасторы,
Разбівшись без сілы абь твердыя кручы,
Вось смерць мая будзе не весткай спакою
И кручы пабедай сваей неапыюца:
Устаушыя сестры мае чарадою
З бязвумнаю сілай узнесуца.

Поэзія Альберта Павловича по своей легкости и ритмичности представляет собою неупорядоченное самослагающееся течение мысли. Его „вершы“ читаются свободно, плавно и увлекательно. Интересен прием автора давать ключь кь основной идеѣ своего замысла или развязкѣ въ самой послѣдней строчкѣ стихотворенія. Основная мысль произведеній поэта—необходимость приложить все усилія кь развитію въ дѣтяхъ крестьянъ вѣры въ лучшее будущее, внушать чувства бодрости и пріучать кь умственной самодеятельности. А это возможно лишь при установленіи болѣе тѣсной связи школы съ жизнью.

Далѣ идетъ рядъ бѣлорусскихъ поэтовъ:

Максимъ Богдановичъ, Юзя Шчупакъ, Ф. Чернышевичъ, Филипповъ, К. Коганецъ, Г. Леуцькы, Зязюля, Власть, Ядвигинь Ш. и много другихъ.

Итакъ, бѣлорусскіе писатели и по народному происхожденію своему и по мотивамъ своихъ произведеній—обуславливаютъ здоровое народное, сильно проявленное демократическое направленіе бѣлорусской литературы. Заслуга редакціи газеты „Наша Ніва“ въ томъ, что она дала выходъ накопившейся народной энергіи. Вѣдь, подь влияніемъ ея многіе бѣлорусскіе поэты стали впервые писать на своемъ родномъ языкѣ...

Печатавшихся же въ „Нашей Нивѣ“ насчитывается—61 поэтъ.

Бѣлорусская газета „Наша Ніва“, подь ред. А. Вла-

слова, давшая выходъ народнымъ поэтамъ, такъ намѣтила с свои цѣли:

„Мы будемъ — говоритъ редація въ I номерѣ — служитьъ всему беларуссакому скры́джэнаму народу, пастараемся быць люстрам жыцця, каб ад нас, як ад люстра, свет падау у цёмнаець“... „Мы будемъ старацца, каб усе беларусы, што ня ведаюць, хто яны ёсць, зразумелі, што яны беларусы и людзі, каб пазналі свае права и памагли намъ у нашэй работы“. Работу „Н. Нивы“ можно признать очень полезной культурно-просвѣтительной среди забытыхъ бѣлоруссовъ.

Важно и то, что въ редакцію „Нашей Нивы“ присылаются рукописи, криво написанныя мозолистой рукой крестьянина, рабочаго и т. д. Болѣе всего изъ числа писателей „Н. Нивы“ — поэтовъ. За 3 года печатавшихся въ „Нашей Нивѣ“ насчитывается 61 поэтъ!

На ряду съ этимъ создается цѣлый рядъ бѣлорусскихъ издательствъ: въ Могилевѣ „Общество изученія Бѣлоруссии“, въ Минскѣ „Минчукъ“, „Громада“, въ Вильнѣ „Наша Хата“, „Полачанинъ“.

Наиболѣе солиднымъ слѣдуетъ признать въ СПБ. бѣлорусское культурно-просвѣт. издат. общество: „Загляне сонце и у наше оконце“.

Въ бѣлорусскихъ кружкахъ, появившихся на смѣну революціоннымъ, ярко выступаетъ идея культурнаго просвѣщенія бѣлорусскихъ массъ. Съ этой цѣлью въ СПБ. основывается въ 1906 г. „Бѣлорусская Выдауніцкая Суполка“, „Загляне сонце и у наше оконце“.

Цѣль общества — издавать и распространять изданія бѣлорусскія и все, что относится къ жизни Бѣлоруссии. Кромѣ изданія русскими и польскими буквами культурно-просвѣтительныхъ пособій, с-хоз. брошюръ и руководствъ, общество впервые выпустило въ свѣтъ бѣлорусскихъ писателей, ходившихъ по рукамъ въ переписанномъ видѣ (съ 1867 г. по 1905 г. нельзя было ничего издавать на бѣлор. языкѣ).

Въ VII выпускахъ изданы имъ: „Bielarusikije Piesniary“.

ДѢЯНИЯ СВЯТЫЯ

АНТОНЬСКОГО ПЕРВОМУЧЕНИКА

Тамъ сѣсть воплоче снъ Божь по евангелю
Бывше дѣцѣ прѣтосѣрпѣи въ полѣхъ соудю
ррнѣи вѣсто вѣста. А вѣста ты сего цѣсо
шного дѣцѣ аще шего. снѣ и утѣснѣнѣ
Врнское. Бывше прѣцѣ снѣ снѣ. Мотары
и ахенѣ цѣко снѣ снѣ снѣ. Мотары снѣ
подпаконѣ. снѣ вѣи шѣи цѣ снѣ снѣ снѣ
и вѣ снѣ. снѣ вѣи шѣи снѣ. Мотары
цѣ снѣ кто рого по вѣ снѣ снѣ снѣ снѣ
прнѣ а дѣ снѣ вѣи шѣ снѣ снѣ снѣ снѣ

(Фр. Богушевичъ, В. Дуинь-Марцинкевичъ, Янка Лучина, Янка Купала и т. д.).

Съ 1912 г. общество издаетъ уже периодическій органъ „Маладая Беларусь“—публицистическаго характера. „М. Беларусь“ посвящена научному познанію бѣлоруссовъ, развитію общественной мысли и содѣйствуетъ появленію въ свѣтъ „бездомныхъ“ произведеній писателей изъ народа,

За послѣднее время слѣдуетъ отмѣтить возникновеніе Бѣлорусскаго научно-литературнаго кружка студентовъ СПБ. Университета. Уставъ кружка утвержденъ Совѣтомъ профессоровъ СПБ. Университета 30 янв. 1912 г.

Цѣль кружка—научное ознакомленіе студентовъ съ духовной (языкъ, народная словесность, народное искусство и т. д.) и матеріальной (статистика, народное хозяйство и т. д.) жизнью бѣлорусскаго народа.

Евг. Хлѣбцевичъ.

1964?

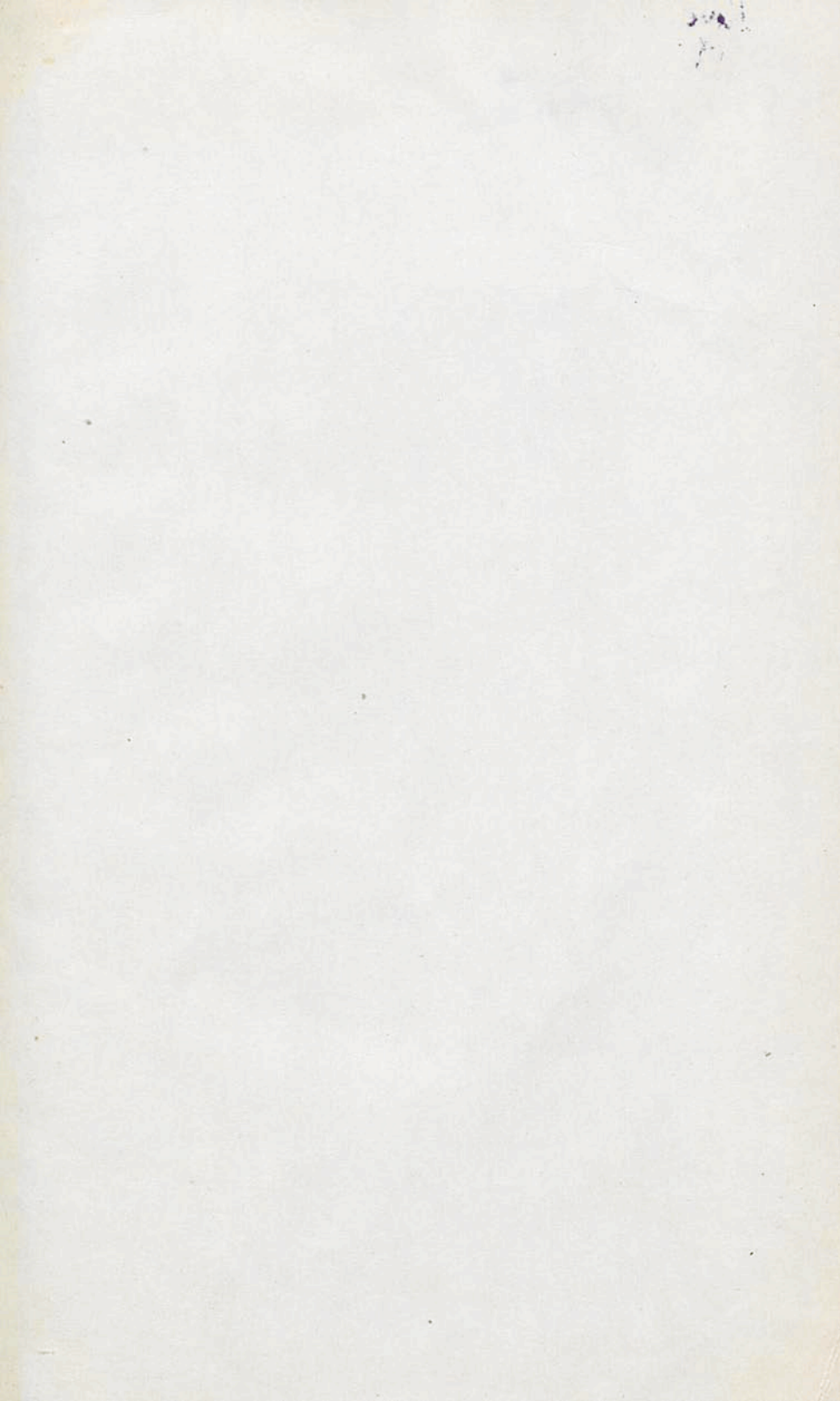

1964 г.

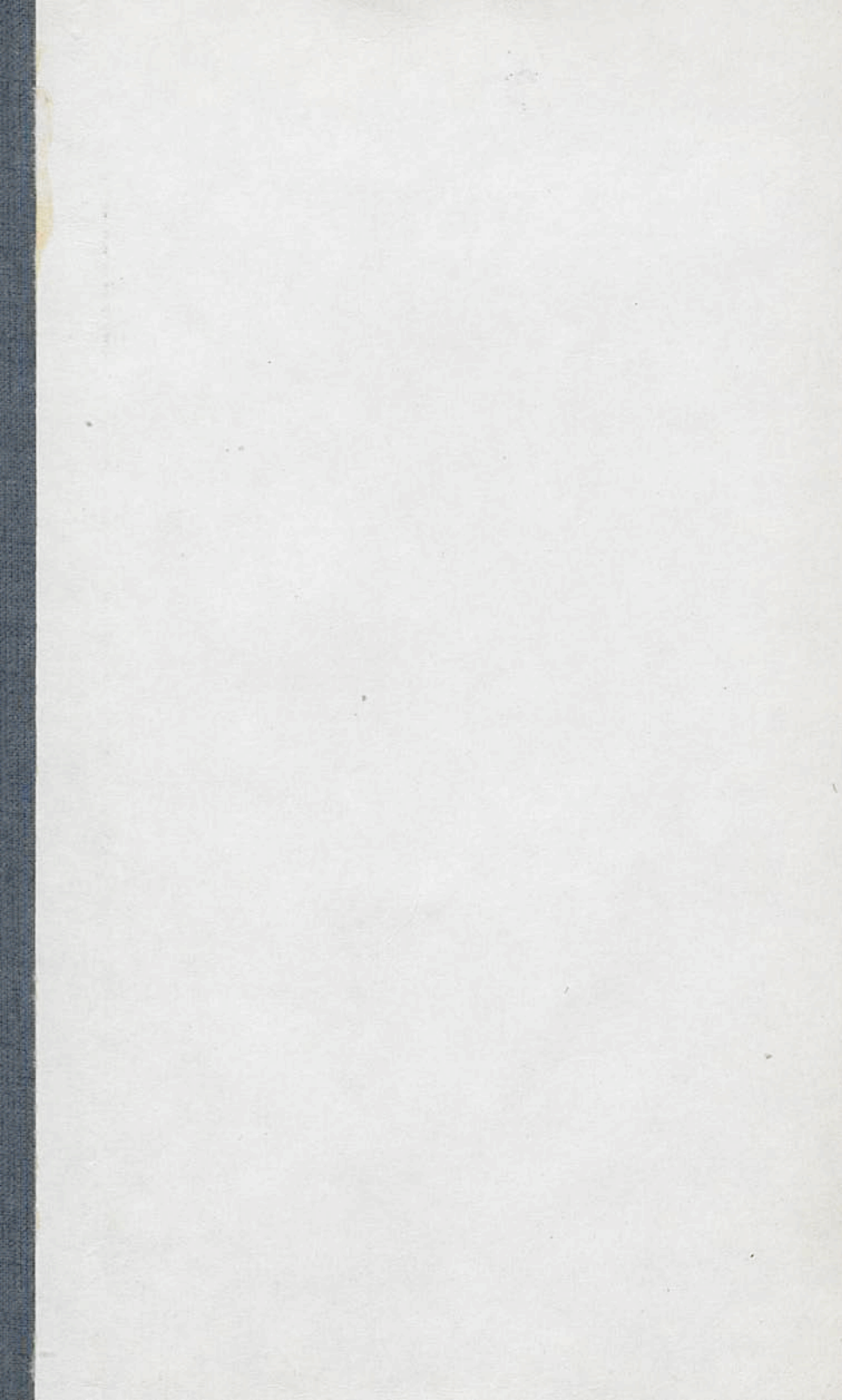
Складъ изданія:

Спб., В. О., 4 линия д. 45 кв. 16. Е. Хлѣбцевичъ.

Б. С. А. А. А. А.

1994 г.

80000002598038